

АКЫН XXI ВЕКА

Классик современной поэзии Владимир Вишневский цитирует классика русской литературы Ивана Тургенева. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?..» Осмыслить любое явление помогает Слово.

В книгах Владимира Вишневского «Акын online, или Любимая, я знаю, ты в сети» и «Ноу-хаус» ёмких слов и интересных мыслей хоть отбавляй. О них наш разговор.

— ВЛАДИМИР Петрович, главный принцип акына — что вижу, то пою. Но как сиюминутное уложить в книгу, чтобы это было всегда актуально?

— Многие известные стихотворения рождались как сиюминутный отклик. Когда наступают на большую мозоль, ты издаёшь возглас в виде стихов, одностиший... И он либо исчезнет, либо (об этом надо тайно мечтать) останется на века. Или хотя бы на какое-то время. Может, вот: «Ты мне Родина, пусть и не мать, Ты моя Умом Не Понять. На едином, на аварийном, На пространстве уже Объятной, Полигоне для МЧС — Наша жизнь как «легенда учений»... Как реалии «Танцы с граблями». Поле, минное поле чудес...»

В «Акыне» идёт как бы сканирование реальности. А реальность российская циклична. Восемь лет назад я написал: «В гло-

бальном мире не до смеха, Беда едина, как процесс: Тушь потекла, чулок поехал — И рухнул индекс РТС. Понты Москвы ночной — вполсили: Энергосберегают их. Да шутка ли сказать, в России Обрушен рынок чаевых!» Стихи эти, увы, снова актуальны.

Моё акынство в том и заключается, что я вербально — уж не сочтите ЗА — осваиваю мир. И слово помогает осмыслить действительность. Понять и «откликнуться». «Пир импровизационного отклика — конечно, одностишия. Я (шучу, самолегендируюсь) создал постсоветскую школу однострочной поэзии. В эру клипового сознания, когда на вторую строчку у людей — ни времени, ни желания. И ты, поэт, обязан уместиться в одну. Господь словно на бедность мне бросил эту возможность. Меня одностишия осеяли в «экстремальные» моменты любви и дружбы. В общении с любимой появились «Всё больше людей нашу тайну хранит» и «Жить надо так, чтоб не сказали «Помер»».

— Это фразы на века. А как быть со строками: «И если мы действительно хотим...» или «Да, все ещё не можем на местах...»? Они публикуются как самостоятельные высказывания. Как здесь понять «акына»?

— Эта книга — мой личный гимн современному русскому языку. И онлайн-хроника новейшей истории. Я, как и все, подключён к реальности и смотрю новости («Начать с хорошего? Нет, лучше с новостей»). Моё специфическое ухо выдёрживает из них своё. «На местах» — бюрократическое выражение, очень популярное у чиновников. Вот некий Сидор Матрасыч прибывает из регионов и начинает рассуждать с трибуны: «Вместе с тем на местах...» «Если мы действительно хотим» —

такая же демагогическая фраза. Я однажды одного высокого чиновника пригласил на своё выступление. Он отреагировал, как ему свойственно: «Я за то, чтобы поддерживать такого рода контакты». Я для него «контакт такого рода». Да, речь раздается. Но Язык, возможно, наше последнее реальное право выбора. Выбора Слова, позволяющего сохранить достоинство.

— В вашей книге чувствуется горечь. «Родина — здесь, где не нужен меньше, чем где-нибудь там», «Реальность — это антиэйфорин!..», «Сотраждане, мы все в одной маршрутке». Я правильно понимаю, что вам не нравится, куда наша «маршрутка» едет?

Многие известные стихотворения рождались как сиюминутный отклик.

— Я настолько уже забурел, что привык в России удовлетворяться тем, чего не лишают. Люблю цитировать Чехова: «Радуйтесь, что вы не в больнице и не в тюрьме. И даже если вас ведут в караульное помещение, радуйтесь, что не в геенну огненную». В нашей стране, как ни парадоксально это звучит, относительно счастливым быть просто. Достаточно сознавать некоторую не-

лишённость: свободы (когда из дома выходишь без пропуска), здоровья относительного. Но главное — внимание! — успеть всё это просмаковать на свободе и при жизни.

Примеры, которые вы привели, всё-таки порождение нашего уникального оптимизма. Я всегда привожу на сцене притчу: «Оптимист в России — это тот, кто на кладбище видит не кресты, а плюсы». Так что «я россиянин — в шоке не бываю».

— В другой своей книге, «Ноу-хаус», вы рассуждаете о том, как «дебанализировать» общение. Зачем вообще это делать? Ведь главное всё-таки не форма, а содержание.

— Я как раз о смысле и говорю. Банальность, например, в том, когда вы при встрече сразу говорите человеку о его неважном внешнем виде (зеркало ему и без вас всё доложило). «Да на тебе лица нет!» — это проявление российской участливости всегда бестактно. И банально. Если отметить, что женщина хорошо выглядит, пусть даже это не совсем так, она станет выглядеть лучше! Я, и не будучи донкихотом, удивляюсь: почему бы человеку не сказать нечто вдохновляюще приятное? Это не школа молодого льстеца. Я просто пытаюсь убедить читателя, что тот, кто сеет доброжелательность, всегда в выигрыше. Создать вокруг себя нормальную атмосферу — в наших силах. И во многом это создаётся словом. Немног замечено, но Мы — страна слов...

Елена КОЗИНОВА